
**УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

УДК 343; 344.1

**СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ**

© 2024 г. А. И. Рарог

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: alek.rarog@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.08.2023 г.

Аннотация. Действующая редакция Уголовного кодекса РФ содержит ряд дефектов технического, системного и уголовно-политического характера. Этого недостаточно для принятия принципиально нового Уголовного кодекса, потому что современное состояние российского общества не требует изменения концептуальных основ уголовного законодательства, базирующихся на Конституции РФ. При подготовке новой редакции Уголовного кодекса РФ необходимо осуществить полную ревизию его Общей и Особенной частей на предмет выявления и устранения дефектов, модернизировать нормы военно-уголовного права посредством кодификации уголовного законодательства, конституционно-правовым путем решить вопрос о признании или отрицании смертной казни как вида уголовного наказания. По мнению автора, фактический запрет на применение смертной казни осуществлен Конституционным Судом РФ некорректно.

Ключевые слова: законодательная ошибка, техническая ошибка, системная ошибка, концептуальные основы уголовного законодательства, новая редакция Уголовного кодекса, военно-уголовное право, специальная военная операция, смертная казнь.

Цитирование: Рарог А. И. Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России // Государство и право. 2024. № 1. С. 38–48.

DOI: 10.31857/S1026945224010046

**STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT
OF THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION**

© 2024 А. И. Rarog

Kuta in Moscow State Law University (MSLA)

E-mail: alek.rarog@yandex.ru

Received 22.08.2023

Abstract. The current version of the Criminal Code of the Russian Federation contains a number of defects of a technical, systemic and criminal-political nature. This is not enough to adopt a fundamentally new Criminal Code, because the current state of Russian society does not require changing the conceptual foundations of criminal legislation based on the Constitution of the Russian Federation. When preparing a new version of the Criminal Code of the Russian Federation, it is necessary to carry out a complete revision of its General and Special parts in order to identify and eliminate defects, modernize the norms of Military Criminal Law in accordance with the principle of full codification of criminal legislation, and resolve the issue of recognizing or denying the death penalty as a type of criminal punishment by constitutional and legal means. According to the author, the actual ban on the use of the death penalty was carried out by the Constitutional Court of the Russian Federation incorrectly.

Key words: legislative error, technical error, system error, conceptual foundations of criminal legislation, new edition of the Criminal Code, Military Criminal Law, special military operation, death penalty.

For citation: Rarog, A.I. (2024). State and prospects of development of the Russian criminal legislation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 38–48.

Уголовный кодекс Российской Федерации – один из наиболее критикуемых российских законов. В уголовно-правовой науке аргументировались предложения: а) продолжать использовать Уголовный кодекс РФ 1996 г.; б) принять его новую редакцию; в) принять принципиально новый Уголовный кодекс. Сторонниками последней точки зрения даже предлагалась теоретическая модель нового Уголовного кодекса¹.

Техническое состояние Уголовного кодекса РФ, безусловно, является далеко не безупречным. Во-первых, многократные изменения и дополнения в Уголовный кодекс РФ внесли немалую сумятицу в нумерацию его статей, которые повторяют номер предыдущей статьи, но снабжены надстрочным индексом. А в некоторых статьях появились новые части, номера которых повторяют номера предыдущей части, но с надстрочным индексом. Статей Уголовного кодекса РФ с надстрочным индексом уже стало много, и это создает существенные неудобства при его применении. Кроме того, в различных научных, учебных, комментаторских и научно-популярных изданиях номера индексированных статей Уголовного кодекса РФ произвольно трансформируются в номера, где индекс ставится через точку (например, ст. 53.1 вместо 53¹). А порой индекс статьи не обозначается ни надстрочным, ни через точку, поэтому двузначный номер (например, ст. 80¹) превращается в трехзначный (ст. 801), что вызывает недоумение.

Во-вторых, в тексте Уголовного кодекса РФ встречаются технические ошибки, которые нельзя оценить иначе как законотворческий брак.

Например, в силу ч. 3 ст. 81 УК РФ от отбывания наказания обязательно освобождается военнослужащий, отбывающий арест либо содержание

в дисциплинарной воинской части, в случае заболевания, делающего его негодным к военной службе. Но при указанном заболевании невозможно исполнение не только названных видов наказания, но и ограничения по военной службе. Однако законодатель оставил эту ситуацию без внимания.

Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ² внесены изменения в целый ряд санкций. Коснулось это, в частности, и ч. 2 ст. 201 УК РФ, согласно которой деяние может быть наказано «штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет *или без такового*». Ясно, что выражение «или без такового» может касаться исключительно дополнительных видов наказания, а применительно к основному оно не имеет смысла. Тем не менее этот законодательный брак до сих пор не устранен.

Безусловно, техническими ошибками являются положение о наказуемости действий частного аудитора в отношении *заведомо недееспособного* лица (ч. 2 ст. 202 УК РФ), а также положение о *подкупе* свидетеля, потерпевшего, эксперта или специалиста, совершенном *с применением насилия*, опасного для жизни или здоровья (ч. 4 ст. 309 УК РФ).

Помимо технических ошибок Уголовный кодекс РФ содержит немало содержательных ошибок, большинство из которых обусловлено нарушением требования системности законодательства.

Распространенной ошибкой системного характера является недопустимое установление в санкциях уголовно-правовых норм наказания в виде принудительных работ либо установление недопустимых размеров этого наказания.

Принудительные работы определяются как вид наказания, альтернативный лишению свободы (ч. 1 ст. 53¹ УК РФ). Установленный в ч. 2

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н.А. Лопашенко, Р.О. Долотов, Е.В. Кобзева, К.М. Хутов; под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2019.

² См.: СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I), ст. 6235.

ст. 53¹ УК РФ порядок применения принудительных работ исключает возможность его назначения как самостоятельного вида наказания. Суд сначала назначает осужденному наказание в виде лишения свободы, затем обосновывает свое убеждение в том, что исправление осужденного возможно без реального отбывания наказания в местах лишения свободы. На этом основании суд постановляет заменить осужденному назначенное наказание в виде лишения свободы принудительными работами. При этом продолжительность принудительных работ обязательно должна равняться назначенному сроку лишения свободы, поскольку оба эти вида наказания по степени тяжести приравниваются друг к другу (п. «а» ч. 1 ст. 71 УК РФ). Из этого следует, что принудительные работы могут быть назначены лишь в тех случаях, когда санкция применяемой статьи предусматривает и лишение свободы, и принудительные работы. Продолжительность последних ни в коем случае не может превышать назначенного судом срока лишения свободы. Значит, и в санкции верхний предел принудительных работ не может превышать верхнего предела лишения свободы. Тем не менее законодатель нередко нарушает установленный им же порядок применения принудительных работ.

В ряде санкций установлен срок принудительных работ, превышающий максимально возможную для данного случая продолжительность лишения свободы (например, ч. 2 ст. 121, ч. 1 ст. 135, ч. 1 ст. 145¹ УК РФ), либо принудительные работы включены в санкции, которые вообще не предусматривают лишения свободы (например, первые части ст. 159¹, 159², 159⁵, 159⁶, ч. 1 и ч. 2 ст. 200¹ УК РФ). В итоге получается, что, назначив наказание в виде лишения свободы на максимально возможный за совершенное деяние (например, ч. 1 ст. 135 УК РФ) срок в три года, суд не может заменить это наказание принудительными работами на срок пять лет, а обязан в силу ст. 53¹ УК РФ ограничить продолжительность этого наказания тремя годами. Таким образом, исправление допущенной законодателем ошибки перекладывается на суд.

Примером системной законодательной ошибки может служить и наличие в ст. 54 УК РФ положения о том, что наказание в виде ареста может быть назначено на срок менее одного месяца. Дело в том, что первоначально обязательные работы в случае злостного уклонения от их отбывания суд мог заменить ограничением свободы или арестом (а в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ³ и лишением свободы), а исправительные работы — ограничением свободы, арестом или лишением свободы. Этому соответствовало

положение о том, что в случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом его срок может быть и менее одного месяца (ч. 2 ст. 54 УК). Но согласно Федеральному закону от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ⁴ и обязательные работы, и исправительные работы в случае злостного уклонения от их отбывания могут быть заменены только принудительными работами или лишением свободы. Тем не менее в ст. 54 УК РФ сохраняется положение о том, что срок ареста в случае его назначения взамен обязательных работ или исправительных работ может быть и менее одного месяца. И эта ошибка не исправлена до сих пор.

В качестве иллюстрации системной ошибки может служить и ч. 2 ст. 86 УК РФ. Она устанавливает, что при досрочном освобождении от отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания.

Приведенное положение имело вполне определенный смысл в УК РСФСР 1960 г., поскольку в нем срок погашения судимости для лиц, осужденных к лишению свободы, определялся продолжительностью *фактически отбытого* наказания. Так, судимость лица, осужденного к лишению свободы, например, на срок четыре года, но условно-досрочно освобожденного по отбытии двух лет и шести месяцев, погасалась не через пять лет (п. 6 ч. 1 ст. 57), а уже через три года (п. 5 ч. 1 ст. 57).

Соответствующее положение было механически перенесено в Уголовный кодекс РФ, хотя он в отличие от предыдущего закона связывает продолжительность срока погашения судимости не с размером наказания в виде лишения свободы, а с категорией совершенного преступления. Этот критерий является величиной постоянной и не зависит от того, было ли наказание отбыто полностью или частично.

При осуждении к лишению свободы за преступления небольшой и средней тяжести, а также за тяжкие преступления судимость погашается по истечении сроков, установленных п. «в», «г» ч. 3 ст. 86 УК РФ, в зависимости от категории преступления, установленной законом в соответствии с ч. 2–5 или судом на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ. А судимость осужденных за особо тяжкие преступления независимо от вида наказания погашается по истечении 10 лет после отбытия наказания (п. «д» ч. 3 ст. 86 УК РФ). Из этого вытекает, что норма, закрепленная в ч. 4 ст. 86 УК РФ, является неисполнимой и должна быть исключена из Уголовного кодекса РФ.

³ См.: СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4848.

⁴ См.: СЗ РФ. 2011. № 50, ст. 7362.

К числу системных ошибок можно отнести и те уголовно-правовые нормы, которые являются неисполнимыми в силу нереальности ситуации, описанной в диспозиции.

Первоначальная редакция ст. 205 УК РФ устанавливала ответственность за террористический акт, повлекший по неосторожности смерть человека (ч. 3), с наказанием в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет. Федеральным законом от 21 июля 2004 г. № 74-ФЗ⁵ наказание было усилено до лишения свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненного лишения свободы. Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ⁶ реконструировал ст. 205 УК РФ: причинение смерти по неосторожности (наряду с групповым способом и причинением иных тяжких последствий) перенес в ч. 2, а умышленное причинение смерти оказалось в ч. 3. Но и в редакции Федерального закона от 30 декабря 2008 г. проблема применения п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ не решена.

Закрепленная в п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ уголовно-правовая норма предусматривала фактически нереальную ситуацию, что не раз отмечалось специалистами⁷.

Сущность террористического акта заключается в преднамеренном совершении действий, заведомо для виновного создающих опасность гибели людей или наступления иных тяжких последствий. Эти действия совершаются в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. Указание в диспозиции нормы на цели деяния свидетельствует о том, что преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Он включает осознание общественной опасности совершаемых действий и предвидение неизбежности или реальной возможности наступления любых указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ последствий, включая гибель людей. Волевой элемент умысла характеризуется желанием причинить последствия, составляющие сущность террористического акта. Если такие последствия были лишь

реально возможными, но фактически не наступили, деяние квалифицируется по ч. 1 ст. 205 УК РФ. В случае фактического причинения любого из указанных в законе последствий преступление подлежит квалификации по той части ст. 205 УК РФ, в которой соответствующее последствие предусмотрено, но во всех случаях его наступление охватывается умыслом виновного. Следовательно, указание на неосторожную форму вины по отношению к смерти людей при террористическом акте было законодательной ошибкой, которая была исправлена Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ⁸, признавшим п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ утратившим силу, а из п. «б» ч. 3 этой же статьи исключившим слово «умышленное».

Другим примером неисполнимости уголовно-правовой нормы из-за нереальности предусмотренной в ней ситуации может служить ч. 1 ст. 227 УК РФ. Пиратство определяется в Уголовном кодексе РФ (ст. 227) как нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, соединенное с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 1). Применение при этом оружия или предметов, используемых в качестве оружия, имеет значение квалифицирующего (ч. 2), а совершение преступления организованной группой или с причинением по неосторожности смерти человека (ч. 3) — особо квалифицирующего признака.

Формальное сопоставление ч. 1 с ч. 2 и 3 ст. 227 УК РФ вынуждает сделать совершенно нелепый вывод, будто пиратское нападение может быть осуществлено неорганизованной группой лиц без использования ими оружия или предметов, используемых в качестве оружия. На самом же деле современное пиратство превратилось в налаженный преступный бизнес. Наличие высокой степени организованности, высокоскоростных маневренных судов, современного автоматического оружия и ультрасовременных средств связи — признаки современного пиратства, ставшего серьезной межнациональной проблемой. Пиратское нападение со стороны спонтанно возникшей вооруженной группы практически нереально и даже теоретически немыслимо. Поэтому признаки вооруженности и совершения организованной группой «имманентно присущи пиратству, поэтому должны быть отражены в качестве конструктивных признаков основного состава преступления»⁹.

В уголовном законодательстве возможны не только технические и системные, но и уголовно-политические ошибки, т.е. неправильное правотворческое решение, являющееся прямым результатом

⁵ См.: СЗ РФ. 2004. № 30, ст. 3092.

⁶ См.: СЗ РФ. 2009. № 1, ст. 29.

⁷ См.: *Галачева М. М.* Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки террористического акта: вопросы корректирования // *Научные известия.* 2016. № 5. С. 116–120; *Калинин Р. С.* Уголовная ответственность за террористический акт по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 10; *Кибальник А. Г., Волосюк П. В., Иванов А. Ю.* Уголовно-правовое противодействие террористическим преступлениям: основные тренды российских диссертационных исследований в 2010–2020 годах // *Всеросс. криминологический журнал.* 2021. Т. 15. № 1. С. 73; *Рарог А. И.* О неисполняемых и неисполнимых уголовно-правовых нормах // *Научный портал МВД России.* 2022. № 1 (57). С. 69.

⁸ См.: СЗ РФ. 2023. № 18, ст. 3234.

⁹ *Южиков А. А.* Пиратство: истоки, реалии, проблемы уголовно-правового противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 13.

законодательной инициативы одного из ее субъектов. Такие ошибки становятся очевидными только в случае их признания самим законодателем. Например, в Федеральном законе от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ¹⁰ был реализован отказ от административной преюдиции и от квалифицирующего значения специального рецидива. Довольно скоро законодатель признал ошибочность своего решения и явочным порядком возвратился и к административной преюдиции, и к квалифицирующему значению специального рецидива преступлений.

Уголовно-политической ошибкой законодателя представляется включение ареста в систему наказаний. Во-первых, сомнительной представляется сама необходимость в такой модификации краткосрочного лишения свободы. А во-вторых (что гораздо более важно), ошибочность этого решения выявляется в сопоставлении ст. 54 УК РФ со ст. 68 УИК РФ, согласно которой «осужденные к аресту отбывают наказание по месту осуждения в арестных домах». Данное положение не соответствовало экономическим возможностям страны, поэтому срок введения положений Уголовного кодекса РФ об аресте неоднократно переносился, а затем вопрос об этом вообще перестал занимать законодателя. Но ошибкой свое решение об аресте законодатель пока еще не признал.

Примером уголовно-политической ошибки может служить и Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ¹¹, которым были сняты минимальные пределы наказания в санкциях многих норм о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях. Теперь формально законным стало назначение, скажем, по ч. 4 ст. 111 УК РФ наказания в виде лишения свободы как на два месяца, так и на 15 лет. Такое решение не только противоречит дифференциации уголовной ответственности, но, по сути, подменяет судебское усмотрение судебским произволом, а потому содержит некий коррупциогенный потенциал. Несмотря на резкую негативную реакцию специалистов, законодатель до сих пор свое решение ошибочным не признал.

Приведенные примеры технических, системных и уголовно-политических законодательных ошибок являются не их исчерпывающим перечнем, а лишь иллюстрациями, которые представляются достаточными для определенных выводов.

Наличие немалого числа дефектов в российском уголовном законодательстве существенно затрудняют его применение, поэтому его модернизация стала актуальной задачей дня. Но значит ли это, что действующий Уголовный кодекс

РФ следует упразднить и заменить принципиально новым? Нет, не значит. Решающим социально-политическим основанием для принятия нового уголовного закона вместо действующего является изменение его концептуальных основ.

Концептом (основной уголовно-политической идеей) первых двух советских уголовных кодексов была защита диктатуры пролетариата уголовно-правовыми средствами (ст. 5 УК РСФСР 1922 г.¹² корреспондировала ст. 9 Конституции РСФСР 1918 г.¹³; ст. 1 УК РСФСР 1926 г.¹⁴ опиралась на ст. 1 Конституции 1925 г.¹⁵). Поэтому в 1926 г. была принята лишь новая редакция предыдущего Уголовного кодекса, а не принципиально новый закон.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. принимался в период неограниченного политического господства Коммунистической партии СССР, которая на XXI съезде провозгласила полную и окончательную победу социализма и начало перехода к развернутому построению коммунистического общества. В соответствии с партийной установкой Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.¹⁶ приоритетными задачами ставил интересы государства и общества, а также ориентацию на постепенную передачу отдельных полномочий государства общественным организациям и трудовым коллективам. Смена политического концепта (диктатуры пролетариата) на идею общенародного государства, приступающего к развернутому построению бесклассового общества, была несовместима с прежним уголовным законодательством, поэтому потребовался новый Уголовный кодекс.

Отказ от руководящей роли Коммунистической партии и от утопической идеи построения коммунистического общества был зафиксирован в Конституции РФ, принятой на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.¹⁷ Она провозгласила Российскую Федерацию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления (ст. 1) и декларировала, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2), а «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (ч. 1 ст. 3). В соответствии с Конституцией страны Российская Федерация является социальным государством, «политика которого направлена

¹² См.: СУ. 1922. № 15, ст. 153.

¹³ См.: СУ. 1918. № 51, ст. 582.

¹⁴ См.: СУ. 1926. № 80, ст. 600.

¹⁵ См.: СУ. 1925. № 30, ст. 218.

¹⁶ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 59.

¹⁷ См.: Росс. газ. 1993. 25 дек.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4848.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2011. № 11, ст. 1495.

на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ч. 1 ст. 7).

Принятие Конституции РФ ознаменовало вступление Российской Федерации в новый период своего развития. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. не соответствовал новой конституционной идеологии и новым приоритетам уголовно-правовой охраны: личность, общество, государство. Поэтому без принятия нового Уголовного кодекса обойтись было невозможно.

Совершенно иная ситуация наблюдается сегодня: в полной мере сохраняются конституционная идеология и приоритеты уголовно-правовой охраны, поэтому нет уголовно-политических оснований для отказа от действующего уголовного законодательства. Однако наличие в Уголовном кодексе РФ немалого количества дефектов технического и содержательного характера диктует необходимость принятия новой редакции этого Закона. Можно ориентировочно наметить некоторые направления его модернизации.

Конечно, в первую очередь необходима ревизия Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ на предмет устранения выявленных дефектов.

Другим направлением развития российского уголовного законодательства может стать модернизация военно-уголовного законодательства.

Начало российскому военно-уголовному законодательству положил Петр I. К подготовке военно-уголовных законов были привлечены выдающиеся военные руководители — Адам Вейде, Яков Брюс, Андрей Виниус и др. 26 апреля 1715 г. Петр I подписал Артикул воинский — систематизированный свод военно-уголовных норм, состоящий из 24 глав, включающих 209 статей (артикулов)¹⁸. Артикул стал составной частью подготовленного комиссией Устава воинского (утв. 30 марта 1916 г.)¹⁹. В кн. 5 Морского устава, утвержденного Петром I 13 января 1720 г.²⁰, гл. 8—12 были посвящены преступлениям, совершаемым военными чинами при боевых столкновениях с неприятелем. Военно-уголовное законодательство Российской Империи продолжало развиваться в XIX в. Это нашло отражение в Полевом уголовном уложении для Большой действующей армии²¹, а затем — в Своде

военных постановлений 1859 г.²², ч. VI которого включала Военно-уголовный, Дисциплинарный и Военно-судебный уставы.

В середине XIX в. в некоторых государствах Европы были приняты военно-уголовные законы как самостоятельные кодифицированные нормативные правовые акты: 1855 г. — Австрия, 1857 г. — Франция, 1872 г. — Германия, 1881 г. — Дания, Швеция. Развитие военно-уголовного законодательства продолжалось в течение последующих полутора веков, и теперь военно-уголовные кодексы (кодексы военной юстиции, военно-уголовные уложения) существуют в большинстве стран мира.

Развитию военно-уголовного законодательства сопутствовала интенсификация доктринальных исследований различных аспектов военно-уголовного права.

Опубликование в 1962 г. в баварском юридическом журнале статьи австрийского военного юриста Мартина Дамяновича «Учение о военном уголовном праве в свете австрийского Военно-уголовного кодекса 1855 года» вызвало интерес ученых-криминалистов и побудило их к теоретическому анализу актуальных проблем применения норм военно-уголовного законодательства. В Российской Империи военно-уголовное право как самостоятельная учебная дисциплина преподавалась сначала в Петербургской военно-юридической академии²³, а потом и в других военных учебных заведениях.

Хотя российская теория военно-уголовного права активно развивается, вопрос о его месте в системе российского права до сих пор остается дискуссионным. По этому поводу российскими учеными высказывались разные точки зрения — военно-уголовное право признавалось: а) самостоятельной отраслью права²⁴; б) одновременно составной частью уголовного права и военного права как комплексной отраслью российского права²⁵; в) объединением подотраслей уголовного и военного права, т.е. подотраслями сразу двух отраслей права²⁶; г) подотраслью уголовного права; д) не по-

²² См.: Свод военных постановлений. СПб., 1859—1870.

²³ См.: *Неелов Я.А.* Курс военно-уголовного права. Лекции, читанные в Военно-юридической академии в 1884/1885 академич. году. СПб., 1885; *Кузьмин-Караваев В.Д.* Военно-уголовное право. 1. Часть Общая. СПб., 1895.

²⁴ См.: *Чхиквадзе В.М.* К вопросу о предмете советского военно-уголовного права // Сов. государство и право. 1940. № 12. С. 46—53; *Бражник Ф.С.* К вопросу о военно-уголовном праве // Росс. военно-правовой сб. 2004. № 1. С. 90—94.

²⁵ Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: научно-практический комментарий / под общ. ред. Н.А. Петухова. М., 2004. С. 11.

²⁶ См.: *Ермолович Я.Н.* Военно-уголовное право как подотрасль военного права: практические вопросы реализации подхода // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое

¹⁸ См.: Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986.

¹⁹ См.: Законодательство Петра I / отв. ред. А.А. Преображенский и Т.Е. Новицкая. М., 1997.

²⁰ См.: Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море. СПб., 1720.

²¹ См.: ПСЗРИ. Т. XXXII. 1812. № 24975.

дотраслью уголовного права, а единым уголовно-правовым институтом²⁷.

Не погружаясь в глубину анализа этого вопроса, согласимся с тем, что, исходя из особенностей предмета и метода, исследуемая система правовых норм представляет собой подотрасль уголовного законодательства²⁸.

Во всех советских уголовных кодексах нормы о воинских преступлениях составляли самостоятельную главу и включали: 1) совершаемые в мирное время воинские преступления невысокой общественной опасности (например, оскорбление, неявка в срок на службу); 2) преступления, которые могли совершаться как в мирное время, так и в военное время или в боевой обстановке (что признавалось квалифицирующим или особо квалифицирующим признаком); 3) преступления, совершаемые только в военное время или в боевой обстановке (например, сдача или оставление противнику средств ведения войны, добровольная сдача в плен и др.).

После прекращения существования СССР возникла необходимость в принятии Уголовного кодекса РФ. Его проект готовился и обсуждался в обстановке пацифистской эйфории и наивной веры в возможность равноправного сотрудничества с государствами Запада в экономической, политической, дипломатической, культурной и других сферах. Вера в такую возможность, видимо, послужила основной причиной отказа от военно-уголовного законодательства в мирное время. В гл. 33 УК РФ 1996 г. содержались нормы об ответственности военнослужащих за воинские преступления, совершенные только в мирное время. Часть 3 ст. 331 УК РФ устанавливала, что уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время или в боевой обстановке, должна регламентироваться законодательством военного времени. Тем самым военно-уголовное законодательство России превратилось в законодательство о служебных преступлениях

обозрение. 2021. № 12. С. 64–73; Батырь В.А. Право военного времени как подотрасль военного права // Lex russica. 2022. Т. 75. № 3 (184). С. 88–104.

²⁷ См.: Шаранов С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институционализации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 9. С. 47–56.

²⁸ См.: Солнцев К.И. Воинские преступления. М., 1938. С. 4; Боев В.И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 10; Данилов П.С. Место преступлений против военной службы в уголовном законодательстве // Новый юрид. вестник. 2019. № 1 (8). С. 44–48; Бодаевский В.П. Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка // Lex russica. 2021. Т. 74. № 4 (173). С. 44–62.

военнослужащих, совершаемых исключительно в мирное время. Вряд ли подобное законодательное решение можно считать удачным²⁹. Во-первых, оно противоречит кодификации уголовного законодательства.

Во-вторых, для принятия такого решения необходимо на момент принятия Уголовного кодекса иметь готовый военно-уголовный кодекс, чтобы он начал действовать сразу же после наступления военного времени, боевой обстановки или объявления мобилизации. Однако ничего подобного государство в своих запасниках не имело, российское правосудие оказалось не готово к применению уголовного законодательства к военнослужащим, совершившим преступления против военной службы в обстановке специальной военной операции на территории Украины. Возник уголовно-правовой вакуум, который нужно было срочно заполнить, но это удалось сделать только через семь месяцев.

20 сентября 2022 г. Государственная Дума ФС РФ сразу в двух чтениях приняла Федеральный закон № 365-ФЗ, на следующий день он был одобрен Советом Федерации, а 24 сентября подписан Президентом РФ В.В. Путиным. Не только ускоренная процедура, но и содержание нового Закона указывают на то, что он готовился и принимался «на скорую руку», поэтому его качество оказалось не самым высоким.

Основные положения Федерального закона сводятся к следующему.

1. Часть 3 ст. 331 УК РФ признана утратившей силу.

2. Содержание п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ уточнено применительно к обстановке СВО.

3. Признак «совершение преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий» стал квалифицирующим (или особо квалифицирующим) в большинстве статей гл. 33 УК РФ (в ч. 2¹ ст. 332, ч. 3 ст. 346; ч. 2 ст. 347; ч. 2 ст. 348 период мобилизации не упоминается).

4. Глава 33 УК РФ дополнена ст. 352¹ «Добровольная сдача в плен».

²⁹ Его критику см. в работах: Шилов А.И. Проблемы уголовной политики России в отношении военнослужащих в военное время и в боевой обстановке // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 1. С. 35–39; Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А. Действие российского уголовного закона в военное время либо в боевой обстановке // Военная юстиция в России: история и современность / под ред. В.В. Ершова и В.В. Хомчика. М., 2017. С. 449–473; Бодаевский В.П. Указ. соч. С. 44–62; Его же. Формирование уголовного права военного времени // Труды ИГП РАН. 2022. Т. 17. № 2. С. 130, 131.

5. Дополнив гл. 34 УК РФ³⁰ ст. 356¹ «Мародерство», законодатель отказался от узкого понимания термина (похищение на поле сражения вещей, находящихся у убитых и раненых, — ст. 266 УК РСФСР 1960 г.) и вернулся к старой его трактовке (противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества, с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости его отобрания для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей — ст. 214 УК РСФСР 1922 г.).

Принятие Федерального закона № 365-ФЗ от 24 сентября 2022 г., разумеется, не означает завершения развития военно-уголовного законодательства. Его дальнейшая эволюция может осуществляться, в частности, по таким направлениям, как:

1) дополнение ч. 3 ст. 81 УК РФ указанием на военнослужащих, отбывающих ограничение по военной службе;

2) восполнение пробела, связанного с отсутствием нормы об уклонении от призыва на военную службу по мобилизации;

3) использование исторического опыта уголовной ответственности за сдачу противнику военных сил, укреплений, боевой техники и других средств ведения военных действий (глава 15 военного Устава Петра 1, Книга 5 Морского устава, ст. 261 УК РСФСР 1960 г.), оставление погибающего военного корабля (ст. 26 УК РСФСР 1960 г.), выдача противнику военной тайны; жестокое обращение с военнопленными и др.

С принятием Федерального закона № 365-ФЗ уголовное законодательство, казалось бы, вернулось к полной кодификации. Однако Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ нанес еще один удар по этому принципу. Он вводит новые основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания и новые условия погашения судимости.

В отношении любого лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, уголовное преследование приостанавливается в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а со дня присвоения государственной награды, полученной в период прохождения военной службы, либо со дня увольнения с военной службы по любому из трех указанных в законе оснований лицо освобождается от уголовной ответственности (ст. 3).

³⁰ Расположение этой нормы в гл. 34 представляется спорным, поскольку преступление может быть совершено на поле боя, который не носит международного характера. Более уместна эта норма в гл. 33 УК РФ.

Если в отношении военнослужащего осуществляется предварительное расследование в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, уголовное дело (уголовное преследование) приостанавливается, а со дня присвоения государственной награды, полученной в период прохождения военной службы, либо со дня увольнения с военной службы по любому из трех указанных в Законе оснований военнослужащий освобождается от уголовной ответственности (ст. 4).

Статья 5 Федерального закона № 270-ФЗ предусматривает условное освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы (ч. 1).

Освобождение становится окончательным со дня присвоения государственной награды, полученной в период прохождения военной службы, либо со дня увольнения с военной службы по любому из трех указанных в Законе оснований (ч. 2).

Статья 6 Федерального закона устанавливает условия погашения судимости в отношении лиц, отбывших наказание или условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, имеющих судимость, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы РФ либо заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ.

По содержанию Федеральный закон № 270-ФЗ никаких нареканий не вызывает, однако его принятие вне Уголовного кодекса РФ представляется необоснованным.

Нет видимых препятствий и к тому, чтобы нормы Федерального закона от 24 июня 2023 г. поместить в Уголовный кодекс РФ. Так, нормы, закрепленные в ст. 3 и 4, можно включить в гл. 11 УК РФ (скажем, под номерами 76³ и 76⁴), ст. 5 — в гл. 12 (например, под номером 81¹), а ст. 6 — в гл. 13 УК РФ (может быть, под номером 86¹).

Важной проблемой для отечественного уголовного права является вопрос о смертной казни как виде уголовного наказания, который относится к числу наиболее дискуссионных³¹. Этот вид наказания предусмотрен и Конституцией РФ (ч. 2 ст. 20), и Уголовным кодексом РФ (ст. 59), однако реально не применяется почти четверть века.

³¹ Подробнее об этом см.: *Рарог А. И.* Еще раз о смертной казни // *Всеросс. криминологический журнал.* 2022. Т. 16. № 6. С. 661–668.

При вступлении в Совет Европы Российская Федерация подписала протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод³², обязавшись в течение трех лет законодательно отменить смертную казнь, а до этого — ввести мораторий на исполнение смертных приговоров. Но этот протокол Российской Федерацией не был ратифицирован.

В российских СМИ, да и в ряде юридических изданий встречается тезис, что 16 мая 1996 г. Президент РФ подписал Указ об отмене смертной казни, фактически установив мораторий на ее применение. На самом же деле в Указе Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы»³³ содержалось поручение палатам Федерального Собрания РФ «обсудить при рассмотрении проекта Уголовного кодекса Российской Федерации вопрос о сокращении составов преступлений, за совершение которых может быть назначена смертная казнь».

В Постановлении от 2 февраля 1999 г. № 3-П³⁴ Конституционный Суд РФ указал, что до введения суда присяжных на всей территории страны смертную казнь не могут назначать суды и тех субъектов Российской Федерации, в которых суды присяжных уже функционируют (п. 5 резолютивной части). Чеченская Республика стала последним субъектом, где с 1 января 2010 г. начали действовать суды с участием присяжных заседателей.

В 2009 г. Верховный Суд РФ направил в Конституционный Суд РФ запрос о разъяснении п. 5 указанного Постановления, чтобы избежать противоречий в правоприменительной практике назначения наказания в виде смертной казни после введения судов с участием присяжных заседателей. Конституционный Суд РФ в Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р³⁵ указал, что введение суда с участием присяжных на всей территории Российской Федерации «не открывает возможность применения смертной казни, в т.ч. по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей» (п. 1 резолютивной части). Своё заключение Суд обосновал тем, что «в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции

и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, — происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носящей временный характер» (п. 1 резолютивной части).

Правомерность полного запрета на применение смертной казни Конституционным Судом РФ у специалистов вызывает возражения³⁶, которые представляются вполне обоснованными. Во-первых, обсуждаемая правовая позиция Конституционного Суда РФ не соответствует ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, буква и смысл которой остались неизменными.

Во-вторых, Конституционный Суд РФ выводит обязательство Российской Федерации отменить смертную казнь из подписания Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Но он не был ратифицирован, а с выходом Российской Федерации из Совета Европы все обязательства Российской Федерации перед этой организацией вообще аннулируются.

Наша страна 15 марта 2022 г. объявила о начале выхода из Европейского суда по правам человека (с последующей денонсацией Устава Совета Европы и Конвенции). 16 марта 2022 г. она была исключена из Совета Европы (Резолюция Комитета министров Совета Европы от 16 марта 2022 г. CM/Res(2022)2 «О прекращении членства Российской Федерации в Совете Европы») с сохранением статуса государства — участника Конвенции до 16 сентября 2022 г. (Резолюция ЕСПЧ от 22 марта 2022 г. «О последствиях прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы в свете ст. 58 Европейской Конвенции по правам человека»).

В Российской Федерации 11 июня 2022 г. были приняты федеральные законы, позволяющие ей не исполнять решения ЕСПЧ³⁷.

В-третьих, Российская Федерация хотя и подписала Протокол № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г., но не подписывала Протокол от 3 мая 2002 г. № 13 относительно отмены смертной казни в любых обстоятельствах, т.е. и в военное время.

³⁶ См., напр.: *Байтин М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 358–364; *Квашин В.Е.* Куда идет смертная казнь. СПб., 2011. С. 39; *Коняев С.А.* Мораторий на применение смертной казни в России: конституционно-правовой аспект // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2011. № 1. С. 70–78.

³⁷ См.: Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 24, ст. 3940; Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 24, ст. 3943.

³² См.: Распоряжение Президента РФ от 27.02.1997 № 53-рп «О подписании Протокола № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г. и к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.» // СЗ РФ. 1997. № 9, ст. 1092.

³³ См.: СЗ РФ. 1996. № 21, ст. 2468.

³⁴ См.: СЗ РФ. 1999. № 6, ст. 867.

³⁵ См.: СЗ РФ. 2009. № 48, ст. 5867.

В-четвертых, согласно ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»³⁸ «Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права». Между тем аргументация запрета смертной казни (международно-правовые тенденции и привычка общества за время моратория к неприменению смертной казни) носит не правовой, а нравственно-эмоциональный характер.

В-пятых, в соответствии с Конституцией РФ (ч. 2 ст. 125) и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ст. 3) этот орган разрешает дела о конституционности норм права *по запросам, ходатайствам и жалобам*. Однако определением от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р Конституционный Суд РФ ввел запрет на смертную казнь по собственной инициативе, на что вполне обоснованно обратил внимание судья Конституционного Суда РФ Ю.Д. Рудкин в своем Особом мнении по данному делу.

Сохранение смертной казни в системе уголовных наказаний либо отказ от нее — это уголовно-политическая проблема, которую можно решить только конституционно-правовым путем. Не предвещая исхода обсуждения этого вопроса, следует признать, что политическая обстановка и состояние боевого противостояния на территории Украины служат достаточным основанием для того, чтобы при подготовке новой редакции Уголовного кодекса РФ поставить вопрос о применении наказания в виде смертной казни за наиболее опасные преступления против безопасности и суверенитета Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байтин М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 358–364.
2. *Батырь В.А.* Право военного времени как подотрасль военного права // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 3 (184). С. 88–104.
3. *Бодаевский В.П.* Формирование уголовного права военного времени // *Труды ИГП РАН*. 2022. Т. 17. № 2. С. 130, 131.
4. *Бодаевский В.П.* Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 4 (173). С. 44–62.
5. *Боев В.И.* Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 10.
6. *Бражник Ф.С.* К вопросу о военно-уголовном праве // *Росс. военно-правовой сб.* 2004. № 1. С. 90–94.
7. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: науч.-практ. комм. / под общ. ред. Н.А. Петухова. М., 2004. С. 11.
8. *Галачиева М.М.* Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки террористического акта: вопросы корректирования // *Научные известия*. 2016. № 5. С. 116–120.
9. *Данилов П.С.* Место преступлений против военной службы в уголовном законодательстве // *Новый юрид. вестник*. 2019. № 1 (8). С. 44–48.
10. *Ермолович Я.Н.* Военно-уголовное право как подотрасль военного права: практические вопросы реализации подхода // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. 2021. № 12. С. 64–73.
11. *Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А.* Действие российского уголовного закона в военное время либо в боевой обстановке // *Военная юстиция в России: история и современность* / под ред. В.В. Ершова и В.В. Хомчика. М., 2017. С. 449–473.
12. Законодательство Петра I / отв. ред. А.А. Преображенский и Т.Е. Новицкая. М., 1997.
13. *Калинин Р.С.* Уголовная ответственность за террористический акт по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 10.
14. *Квашиш В.Е.* Куда идет смертная казнь. СПб., 2011. С. 39.
15. *Кибальник А.Г., Волосюк П.В., Иванов А.Ю.* Уголовно-правовое противодействие террористическим преступлениям: основные тренды российских диссертационных исследований в 2010–2020 годах // *Всеросс. криминологический журнал*. 2021. Т. 15. № 1. С. 73.
16. *Коняев С.А.* Мораторий на применение смертной казни в России: конституционно-правовой аспект // *Вестник ВГУ. Сер.: Право*. 2011. № 1. С. 70–78.
17. *Кузьмин-Караваев В.Д.* Военно-уголовное право. 1. Часть Общая. СПб., 1895.
18. *Неелов Я.А.* Курс военно-уголовного права. Лекции, читанные в Военно-юридической академии в 1884/1885 академич. году. СПб., 1885.
19. *Рарог А.И.* Еще раз о смертной казни // *Всеросс. криминологический журнал*. 2022. Т. 16. № 6. С. 661–668.
20. *Рарог А.И.* О неисполняемых и неисполнимых уголовно-правовых нормах // *Научный портал МВД России*. 2022. № 1 (57). С. 69.
21. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986.
22. *Солнцев К.И.* Воинские преступления. М., 1938. С. 4.
23. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н.А. Лопашенко, Р.О. Долотов, Е.В. Кобзева, К.М. Хутов; под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2019.
24. *Чхиквадзе В.М.* К вопросу о предмете советского военно-уголовного права // *Сов. государство и право*. 1940. № 12. С. 46–53.
25. *Шарапов С.Н.* Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институционализации // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. 2021. № 9. С. 47–56.

³⁸ См.: СЗ РФ. 1994. № 134, ст. 1447.

26. *Шилов А.И.* Проблемы уголовной политики России в отношении военнотружущих в военное время и в боевой обстановке // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 1. С. 35–39.
27. *Южиков А.А.* Пиратство: истоки, реалии, проблемы уголовно-правового противодействия: дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 13.
13. *Kalinin R.S.* Criminal liability for a terrorist act under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus: abstract ... PhD in Law. M., 2018. P. 10 (in Russ.).
14. *Kvashin V.E.* Where the death penalty goes. SPb., 2011. P. 39 (in Russ.).
15. *Kibalnik A.G., Volosyuk P.V., Ivanov A. Yu.* Criminal law counteraction to terrorist crimes: the main trends of Russian dissertation research in 2010–2020 // All-Russian Journal of Criminology. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 73 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Baytin M.I.* The essence of law (modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov, 2001. Pp. 358–364 (in Russ.).
2. *Batyr V.A.* The law of wartime as a sub-branch of Military Law // Lex russica. 2022. Vol. 75. No. 3 (184). Pp. 88–104 (in Russ.).
3. *Bodaevsky V.P.* Formation of the Criminal Law of wartime // Proceedings of the IGP RAS. 2022. Vol. 17. No. 2. Pp. 130, 131 (in Russ.).
4. *Bodaevsky V.P.* Characteristics and functional purpose of the system of criminal law norms ensuring the protection of Military Law and order // Lex russica. 2021. Vol. 74. No. 4 (173). Pp. 44–62 (in Russ.).
5. *Boev V.I.* The mechanism of criminal law regulation of the martial law regime: abstract ... Doctor of Law. M., 2008. P. 10 (in Russ.).
6. *Brazhnik F.S.* On the issue of Military Criminal Law // Russ. military law collection. 2004. No. 1. Pp. 90–94 (in Russ.).
7. Military criminal legislation of the Russian Federation: scientific and practical comm. / under the general editorship of N.A. Petukhov. M., 2004. P. 11 (in Russ.).
8. *Galachieva M.M.* Qualifying and especially qualifying signs of a terrorist act: issues of correction // Scientific news. 2016. No. 5. Pp. 116–120 (in Russ.).
9. *Danilov P.S.* The place of crimes against military service in criminal legislation // New Legal Herald. 2019. No. 1 (8). Pp. 44–48 (in Russ.).
10. *Ermolovich Ya.N.* Military Criminal Law as a sub-branch of Military Law: practical issues of the implementation of the approach // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2021. No. 12. Pp. 64–73 (in Russ.).
11. *Zagorsky G.I., Zyubanov Yu.A.* The effect of the Russian Criminal Law in wartime or in a combat situation // Military justice in Russia: history and modernity / ed. by V.V. Ershov and V.V. Khomchik. M., 2017. Pp. 449–473 (in Russ.).
12. Legislation of Peter the Great / ed. by A.A. Preobrazhensky and T.E. Novitskaya. M., 1997 (in Russ.).
16. *Konyaev S.A.* Moratorium on the use of the death penalty in Russia: constitutional and legal aspect // Herald of the VSU. Ser.: Law. 2011. No. 1. Pp. 70–78 (in Russ.).
17. *Kuzmin-Karavaev V.D.* Military Criminal Law. 1. General Part. St. Petersburg, 1895 (in Russ.).
18. *Neelov Ya.A.* Course of Military Criminal Law. Lectures delivered at the Military Law Academy in 1884/1885 academic year. St. Petersburg, 1885 (in Russ.).
19. *Rarog A.I.* Once again about the death penalty // All-Russian Criminological Journal. 2022. Vol. 16. No. 6. Pp. 661–668 (in Russ.).
20. *Rarog A.I.* On non-executable and unenforceable criminal law norms // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (57). P. 69 (in Russ.).
21. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vols. Vol. 4. Legislation of the period of the formation of absolutism / res. ed. A.G. Mankov. M., 1986 (in Russ.).
22. *Solntsev K.I.* Military crimes. M., 1938. P. 4 (in Russ.).
23. The Criminal Code of the Russian Federation (scientific project) / N.A. Lopashenko, R.O. Dolotov, E.V. Kobzeva, K.M. Khutov; ed. by N.A. Lopashenko. M., 2019 (in Russ.).
24. *Chkhikvadze V.M.* On the issue of the subject of Soviet Military Criminal Law // Soviet State and Law. 1940. No. 12. Pp. 46–53 (in Russ.).
25. *Sharapov S.N.* Modern Military Criminal Law in the legal system: problems of institutionalization // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2021. No. 9. Pp. 47–56 (in Russ.).
26. *Shilov A.I.* Problems of Russia's criminal policy in relation to military personnel in wartime and in a combat situation // Penal Enforcement Law. 2007. No. 1. Pp. 35–39 (in Russ.).
27. *Yuzhikov A.A.* Piracy: origins, realities, problems of criminal law counteraction: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2014. P. 13 (in Russ.).

Сведения об авторе

РАРОГ Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист г. Москвы, профессор кафедры уголовного права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

RAROG Alexey I. – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Lawyer of Moscow, Professor of the Department of Criminal Law, Kutafin University (MSLA); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia